

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

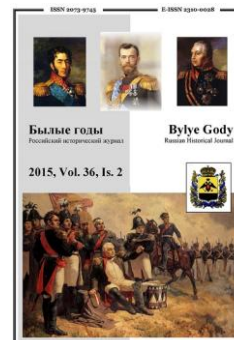
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 327-337, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 374.72"1861-1917"(470)

The Additional Professional Training in the Late Russian Empire

Timur A. Magsumov

International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

423815, Republic of Tatarstan, Naberezhnye Chelny, Moscow St., 134-31

PhD (History), Assistant Professor

E-mail: nabonid1@yandex.ru

Abstract

The article reveals the experience of intensive organization and functioning of the system of additional professional training in the late imperial period of the Russian history, generated by the need of unfolded modernization in the country. The article is written on the basis of mass sources, including the regional archives of record keeping documentation and working in the mainstream of the study of basic organizational forms of additional training - agricultural courses, shopping classes and courses of technical drawing, also the author produces a macro shot of trends and directions, successes and challenges in its development. The additional professional training as a specific element of the education system of 20th century focusing on the real sector of economy has implemented the free practice-training based on the principles of interdisciplinarity, variability and the high role of self-education.

Keywords: education, Russian Empire, modernization, agricultural courses, shopping classes, courses of technical drawing, E.N. Medynskiy.

Введение

Реформирование системы дополнительного профессионального образования в нашей стране в сторону упрощения его организации во многом расширило возможности роста человеческого капитала. Однако требования работодателей о получении персоналом этого вида образования, в особенности – профессиональной переподготовки, на базе государственных образовательных организаций или же имеющих аккредитацию по аналогичным направлениям высшего или среднего профессионального образования, является очень распространенным. Такое положение обусловлено опасением легкости получения документа об образовании во вновь возникшем множестве непонятных «контор». Подчеркнем, что аналогичная ситуация существовала и в начале XX столетия. Так, Министерством народного просвещения было установлено, что «некоторые содержатели курсов дозволили себе в деле организации и ведения курсов серьезные отступления от существующих законов, а в многочисленных и большей частью рекламного характера извещениях также дозволили вводить в заблуждение лиц, для которых эти извещения предназначались» [1]. Суть этих нарушений сводилась к тому, что организаторы в объявлениях повышали статус курсов, обещали выдачу дипломов и аттестатов, присвоение званий, гарантировали трудоустройство, допускали заочную форму обучения, не согласовывали кандидатуры преподавателей и программы с учебным начальством и т.п.

Автор делает попытку раскрыть первые шаги в организации дополнительного профессионального образования, реализовывавшегося на базе средних профессиональных учебных заведений. Становление его пришлось на позднеимперский период российской истории, когда в эпоху уже развернувшейся модернизации остро чувствовалась потребность в повышении профессиональных знаний как факторе экономического роста и социальной стабилизации.

Материалы и методы

Широта темы, обусловленная географией работы и количеством курсов, потребовала применения массовых источников и статистических материалов, в наибольшей степени отраженных в отчетах по деятельности различных курсов. Единый формуляр таких отчетов позволил провести сравнительные исследования, выявив общие и специфические черты в функционировании курсов. Становление системы дополнительного профессионального образования обусловило привлечение нормативно-правовых актов, институционализирующих ее деятельность. Потребность в изучении специфики постановки образовательного процесса на курсах для взрослых вызвала использование историко-педагогических источников – работ отдельных педагогов и материалов съездов.

Проблематика исследования, порожденное ею источниковое поле, определили основной методологический подход к рассмотрению темы – системный анализ образовательной макроструктуры, построенный на выявлении предпосылок, динамики развития и распространения, системных характеристик дополнительного профессионального образования.

Обсуждение проблемы

Становление реальной практики дополнительного профессионального образования в Российской империи лишь во второй половине XIX столетия и превращение ее в систему в начале XX века обусловили небольшое количество литературы по этой теме. Следует отметить работы дореволюционного и советского историка и педагога Е.Н. Медынского, разработки которого были использованы и в практике массовой подготовки кадров низшего звена в советской школе первой половины XX века. Советская система подготовки кадров посредством заочного и вечернего обучения надолго сняла эту проблему, активизировавшуюся вновь лишь в начале XXI столетия в силу попыток модернизации российской экономики.

Результаты

Специальные курсы при профессиональных учебных заведениях были одними из пяти основных форм внешкольного образования для взрослых в позднеимперский период. Реализуемые на базе учебных заведений, они, тем не менее, относились к внешкольному типу образования, и вовсе не по причине возраста учащихся или осуществления в периоды, свободные от основной деятельности – в выходные дни или каникулярное время. Главное отличие курсов от школы, по мнению Е.Н. Медынского, состоит в том, что они «преследуют прежде всего не накопление той или другой суммы знаний, а расширение умственного кругозора, общее культурное развитие; все они строятся на широкой самостоятельности учащихся, на стремлении, лишь приоткрыв завесу, отделяющую тьму от света, пробудить их любознательность и направить по пути самообразования» [2].

Дополнительное профессиональное образование можно было получить и при различных общеобразовательных школах посредством обучения в специальных классах и отделениях при них. Самыми, пожалуй, распространенными типами таковых были педагогические классы при женских гимназиях и ремесленные отделения и классы при начальных и средних общеобразовательных школах. Профессиональные навыки можно было развивать и на различных курсах и классах при промышленных учреждениях, а также в школах и на курсах Русского технического общества.

Направления подготовки, которые реализовывались на курсах в средней профессиональной школе, соответствовали «приоритетным» отраслям модернизирующейся экономики, затронув сферы сельского хозяйства, промышленности и коммерции. По маловостребованным специальностям, на которые существовал недобор учащихся на полные сроки обучения, также наблюдалась и отсутствие набора слушателей. Несмотря на удобное время проведения (в период отсутствия навигации по воскресным дням), бесплатность обучения, предварительную рекламу и актуальную тематику курсы для командиров судов при Казанском речном училище в 1910 г. собрали лишь трех желающих и были отменены [3].

Внешкольное образование, как и столетие назад, получило в России широкое и повсеместное распространение. Динамика его развития в дореволюционные годы позволила одному из ведущих специалистов в этой сфере Е.Н. Медынскому констатировать, что оно «в ближайшем будущем, очевидно, завоюет себе такое же, а может быть даже большее место в общей системе народного образования, какое занимает сейчас школа» [4]. Число только сельскохозяйственных курсов и чтений выросло с 11 в 1901 г., на которых присутствовало 1 232 слушателя до 868 в 1912 г. (57 900 слушателей) [5]. Здесь нельзя не отметить, что колоссальный рост курсов и числа обучающихся на них был обусловлен и отсутствием заочной формы обучения в учреждениях профессионального образования.

Россия в рассматриваемый период оставалась аграрной страной, где большая часть крестьян была агрономически малограмотной, а потребности модернизации страны, усиленные необходимостью сохранения социальной стабильности, явно и настойчиво требовали повышения эффективности аграрного производства [6]. Эти причины накладывались на изменяющуюся ментальность крестьянского населения, становившегося серьезно озабоченным ростом личного благосостояния. Успехи в сфере образования, наглядная картина его социально-экономических плодов в форме количественного и качественного роста результатов сельскохозяйственной

деятельности на научно-организованной базе вкупе с ощущением роли знаний в социальной мобильности некоторых односельчан вызвали «в земледельческих слоях населения необыкновенный интерес к всевозможным курсам и лекциям» [7]. Осознанное стремление крестьян «слилось» и еще более стимулировалось общегосударственными потребностями, которые воплотились в правительственно-земскую деятельность по организации для крестьян бесед и чтений на сельскохозяйственные темы, выставок новой техники, показов технологических приемов и других форм агропропаганды. К концу XIX столетия все эти формы сложились в свой оптимум – сельскохозяйственные курсы, дававшие более глубокие и систематические знания.

В числе промышленных курсов при средних профшколах в качестве «более дешевых и удобоисполнимых, для распространения профессиональных знаний ... ученикам школ ... и лицам, уже получившим общее образование и посвятившим себя практической деятельности» министерство просвещения считало наиболее целесообразным организацию, на примере английского опыта, «специальных курсов по различным отраслям специальных знаний, выдвинув на первое место рисование и черчение, как общее, так и в приложениях к различным ремеслам и отраслям промышленности» [8]. Подобные курсы проводились, например, в течение пяти лет (1906–1911 гг.) в Вятском среднем сельскохозяйственно-техническом училище. Губернское земство ежегодно ассигновало 680 руб. на оборудование курсов пособиями и оплату труда преподавателей. Курсы закрылись после прекращения земского финансирования. Общее количество курсистов составило 926 человек за пять лет. Однако, регулярно посещавших занятия было до 50 человек в год. Причины этого администрация училища объясняла трудностью освоения материала в связи с низким образовательным цензом некоторых курсистов (хотя процент нигде не учившихся составлял всего 7,8) и отсутствием преподавания других предметов – геометрии, алгебры и т.д. [9] Однако в число причин следует внести и отсутствие платы за обучение, которая играла бы роль стимула для «более исправного посещения курсов и серьезного к ним отношения со стороны учащихся» [10]. На посещаемости не могло не сказаться и рассредоточенное проведение занятий по праздникам и в воскресные дни – во время отдыха рабочих – в течение как минимум года, нужного для освоения программы. Такая ситуация породила и индивидуализацию обучения. Так, в классах технического рисования при Казанском отделении Русского технического общества каждый учащийся осваивал программу самостоятельно [11]. Несмотря на все положительные моменты индивидуального обучения, в отличие от концентрированных сельскохозяйственных курсов, возможности работы преподавателя с каждым обучающимся при такой системе были ограничены во времени, что сужало теоретические знания и формирование профессиональных навыков, кроме этого, скорее всего, слабо была выражена коллективная работа, отсутствовал элемент соревновательности. В противовес курсам, публичные научно-популярные беседы для ремесленников пользовались неизменным ажиотажем, собирая аудитории и свыше 500 человек [12]. Ненавязчивые, соединяющие в доступном наглядном изложении теорию с практикой, эти беседы раскрывали перед слушателями основные теории и современные практические достижения естественных и технических наук.

Дополнительное образование взрослых в коммерческой сфере реализовывалось на коммерческих курсах и в торговых классах, открытие которых стало возможным по «Положению о коммерческих учебных заведениях» 1896 г. Благодаря ведомственной подчиненности Министерству торговли и промышленности, а, следовательно, получению значительной автономии в организации образовательного процесса, за короткие сроки резко вырастает их численность. В 1910–1911 учебном году в 23 торговых школах обучалось уже 4 610 чел. (3740 мужчин и 870 женщин) [13].

Торговые классы, хотя юридически были самостоятельными учебными заведениями, создавались, как правило, на базе коммерческих училищ и торговых школ, что резко удешевляло их содержание; иногда классы проводили занятия в помещениях коммерческих школ [14]. Так, в 1903–1904 учебном году из общих расходов всех торговых классов империи на содержание педагогического персонала пришлось 73 % средств, расход на весь персонал – 77,8 %, а на наем и ремонт помещений ушло лишь 2,8 % [15]. Эта мера позволяла также устанавливать низкую плату за обучение, которая составляла в том же году 37,8 % от общих доходов торговых классов и была в 4–8 раз меньше платы за обучение в торговых школах и в 20–25 раз меньше, чем в коммерческих училищах [16].

Торговые классы, учрежденные Симбирским обществом распространения коммерческих знаний [17], начали функционировать с 1909 г. на базе Симбирского коммерческого училища. Курсы давали возможность пополнить знания по общеобразовательным дисциплинам и получить знания по специальным предметам. Преподавались Закон Божий, русский, французский и немецкий языки, арифметика с коммерческими вычислениями, бухгалтерия с торговой корреспонденцией, каллиграфия и курс письма на пишущей машинке. Несмотря на право обучения не по всем преподаваемым дисциплинам, а лишь по собственному выбору, многие ученики заканчивали полный курс классов. Это было обусловлено возможностью, после сдачи экзаменов по Закону Божию, русскому языку и арифметике с коммерческими исчислениями, получить свидетельство и льготы по отбыванию воинской повинности с правами окончивших курс учебных заведений четвертого разряда (срок службы сокращался с шести до четырех лет) [18]. Однако торговые классы во многом насыщали и общеобразовательный голод населения – был высок спрос на общеобразовательные предметы [19].

Будучи учреждениями дополнительного образования, да еще и функционирующими на базе средних профессиональных коммерческих учебных заведений, торговые классы проводили учебные занятия в вечернее время и/или в выходные и праздничные дни. Так, в торговых классах в Симбирске обучение в будни производилось с 19.30, а в выходные с 09.30 и прерывалось лишь в Рождество и на Пасху, а также во время Соборной ярмарки, «так как часть слушателей в это время усиленно была занята торговлей» [20]. Практически весь объем материала изучался аудиторно. Причиной тому было то, что «учащиеся являются на занятия большей частью после тяжелой дневной работы ... и домашние условия их для занятий зачастую весьма неблагоприятны» [21]. Вследствие этого учебный материал, по надобности, проходил медленно, с частыми повторениями; на это дополнительно влияла разнородность образовательного уровня слушателей [22; 23].

Как было указано выше, наибольшее число курсов и слушателей приходилось на сельскохозяйственную проблематику. Поэтому остановимся на сельскохозяйственных курсах более подробно.

В 1887 г. министр земледелия и государственных имуществ обратил внимание на возможность распространения в народе сельскохозяйственных знаний с помощью начальных школ и народных учителей. В виду резкой нехватки агрономических кадров на селе именно учителя, в силу многочисленности и распространенности, стали тем слоем, на плечи которого была возложена массовая аграрно-просветительская работа. Была предложена организация курсов двух типов: летних, сроком от одного до трех месяцев, и более продолжительных – для молодых людей, окончивших курс в учительских семинариях и готовящихся к учительскому званию от одного года до двух лет. По окончании курсов предусматривалась выдача удостоверений.

15 апреля 1890 г. были утверждены «Временные правила об устройстве бесплатных курсов при подведомственных Департаменту земледелия и сельской промышленности сельскохозяйственных и садовых заведений», а 25 апреля вышло постановление «Об устройстве при некоторых сельскохозяйственных учреждениях специальных курсов для народных учителей» [24]. Согласно этим документам на курсы принимались народные учителя и окончившие курс учительских семинарий, прием же других лиц допускался лишь с особого разрешения Департамента земледелия. На практические занятия отводилось не менее 6 часов в день, а на теоретическую подготовку – от 3 до 12 часов в неделю.

Казанскому земледельческому училищу было разрешено открыть курсы плодоводства и огородничества, что и было сделано летом 1891 г. Слушатели курсов обязаны были беспрекословно выполнять все требования начальства училища и руководителей курсов, имели право пользоваться библиотекой училища. В том году обучение на курсах прошли 26 человек, в основном из Казанской губернии. В 1892 г. курсы окончили уже 90 человек. Они приехали в Казань не только из населенных пунктов Казанской, но и Симбирской, Нижегородской, Вятской и Пермской губерний. Департаментом земледелия было выделено по 25 экземпляров книг Пономарева «Начальная сельскохозяйственная книга для чтения» и Мецкерского «Как устраивать сады при народных школах» для бесплатной раздачи слушателям, а также 25 наборов инструментов, но только тем из них, «которые во время курсов докажут свое усердие и склонность к садоводству» и успешно выдержат экзамены. Подобные курсы в последующие годы стали традиционными, несколько увеличилась и их тематика. В 1909 г., например, при училище для учителей и учительниц народных школ были устроены курсы по плодоводству, огородничеству и пчеловодству, а также «сделано было несколько чтений по отдельным вопросам земледелия» [25].

Наблюдался постоянный рост числа курсов для народных учителей: в 1891 г. курсы были организованы в 13 местностях; в 1892 г. – в 23; в 1894 г. – в 31; в 1895 г. – в 36. К 1905 г. организовывалось уже примерно 45-50 курсов ежегодно [26]. Активизация сельскохозяйственных курсов для учителей преследовала, на наш взгляд, и откровенно политическую цель. Искусственно понизив возможность проведения всероссийских учительских съездов и корректируя деятельность педагогических курсов, государство концентрировало учительский интерес на активизации трудового воспитания учащихся и, соответственно, большей загруженности педагогов и учеников сельхозработами, а также координировало общение педагогов в узкорегиональных рамках «своей» губернии.

Позднее было решено открыть курсы не только для народных учителей. Опыт организации курсов показал, что, наряду с последними, активными и массовыми слушателями курсов при сельскохозяйственных школах были и наиболее прогрессивные крестьяне – «более культурные элементы деревни». Правительство стремилось увеличить среднюю прослойку деревни как опору властей и источник модернизации.

10 января 1897 г. были утверждены временные правила для устройства сельскохозяйственных чтений и курсов при учебных заведениях аграрного профиля. Курсы для крестьян были открыты и при Казанском земледельческом училище. Целью курсов ставилось «сообщить необходимые для крестьян сведения по разным отраслям сельского хозяйства, которые могут иметь ближайшее применение в условиях хуторских хозяйств» [27]. Они проводились ежегодно в январе-апреле. На курсы принимались грамотные крестьяне от 18 лет, как по собственной инициативе, так и по направлению земств, инспекторов сельского хозяйства и т.д. В соответствии с целью программа

курсов включала теоретические и практические занятия по земледелию, садоводству, огородничеству, животноводству, пчеловодству, сельскохозяйственной экономике, по определению доходности главных культур и организации хуторских хозяйств и кооперативов. Желающие могли принять участие и в летних работах. Содержались слушатели за свой счет или на средства направивших учреждений. Прослушавшие курс после проверки их знаний получали соответствующее удостоверение и бесплатно книги по разным отраслям сельского хозяйства.

В отчете о зимних курсах 1909 г. директор Казанского земледельческого училища Н.П. Ильинский писал: «Ознакомившись лично с уровнем знаний и развития курсистов, выяснив по возможности, какие отрасли сельского хозяйства наиболее их интересуют, я пришел только к одному заключению, что прибывшие в большинстве обладают богатыми способностями и имеют страстное желание учиться, не страшась никаких трудностей. ... Внеклассные беседы с курсистами, просмотр их заметок из лекций и, наконец, экзамен убедили меня, что зимние курсы достигли главной своей цели – пробудили у слушателей жажду научных знаний и веру в них и научили понимать общепотребительные книги по сельскому хозяйству. Об этом же свидетельствует и выписка в марте курсистами 5 экземпляров журнала «Земледелец» для личного пользования... Один крестьянин приобрел сепаратор, другой рядовую сеялку и большинство твердо решило в ближайшее время обзавестись сельскохозяйственными орудиями и машинами на кооперативных началах. Одному крестьянину по его просьбе вычертили план его хутора и разбили на шесть полей для ведения шестипольного оборота» [28].

Обучение на курсах, избегая формализации, посредством наиболее адекватных для усвоения практических форм делало преподавание доступным без ущерба для сообщаемых знаний и обременения памяти. Доступность и разнообразие по содержанию и изложению, вкупе с практической пользой для слушателей стали одной из причин расширения курсов. Если в 1909 г. курсы закончили 17 человек, то в следующем году на курсах обучалось уже 45 слушателей, из них 27 – на свои средства. Динамика роста слушателей показывает не только рост потребности в курсах среди населения, но и свидетельствует о многократном усилении информационно-коммуникационных потоков в среде сельского населения, когда сведения о проводившихся курсах распространялись быстро и широко. После окончания курсов слушателям бесплатно было роздано более 120 экземпляров книг по разным отраслям сельского хозяйства. Средства на их приобретение специально выделялись Департаментом Земледелия.

В 1911 г., учитывая необходимость улучшить практическое преподавание, курсы проводились не только зимой, но и летом. Причем в теоретическую часть курсов было добавлено изучение основ химии, необходимой успешному земледельцу.

Основные каналы и способы информирования о курсах, выбираемые учебными заведениями, в целом соответствовали законам рекламы и маркетинга. Узость информационных потоков была обусловлена запланированным контингентом слушателей. Так, о сельскохозяйственных курсах для народных учителей оповещали, в первую очередь, губернские земские управы и директоров народных училищ соответствующих губерний. Земледельческие училища распространяли эти сведения в соседних губерниях, не имевших собственных средних сельскохозяйственных школ. Такая практика была оправданной. Например, в 1911 г. в Казанском земледельческом училище на этих курсах обучалось 58,3 % слушателей не из Казанской губернии, а в Саратовском земледельческом училище – 65,4 % слушателей не из Саратовской губернии [29; 30]. Информация рассылалась за два месяца до начала занятий.

Руководителям образовательных учреждений разрешалось самостоятельно определять сроки курсов, порядок занятий, назначать руководителей и определять преподавателей. Однако демократичность организации курсов и автономность школ в этом вопросе все равно купировались административным контролем. Сохранялась обязанность извещать местного губернатора о времени, месте проведения курсов и составе педагогов, равно как и его право на устранение от преподавания любых лиц и закрытие курсов вообще [31].

Организовывались курсы круглогодично. Время их проведения было обусловлено тематической спецификой самих курсов и характером практических занятий на них. Зимой устраивались и сельскохозяйственные курсы, содержание которых либо не предусматривало практических занятий, либо допускало возможность проведения их зимой, например, курсы по скотоводству или молочному хозяйству.

Тематика курсов была ориентирована на развитие тех отраслей сельского хозяйства, которые уже развивались или же развитие коих было возможно в природно-климатических условиях этой местности и могли поднять производительность труда и доходность сельскохозяйственного производства.

В силу специфики дополнительного образования на курсах обучались самые разные группы населения, отличавшиеся по возрастному, образовательному, социальному, национально-религиозному, профессиональному и половому признакам. Более-менее сходный состав слушателей был характерен для курсов одинаковой тематики в рамках определенной отраслевой направленности экономики. Основная масса слушателей сельскохозяйственных курсов представлена учителями и крестьянами мужского пола. Однако разнородность такого состава приводила к сложностям в подаче

части материала и затратам времени [32]. Возрастной состав курсистов, как и ныне, в большинстве своем был представлен молодежью: свыше 90 % слушателей курсов всех направлений составляли молодые люди до 35 лет [33; 34; 35]. Будучи легче обучаемыми, более мобильными, имеющими хоть какое-то образование, молодые люди новой эпохи, осознающие возросшее значение человеческого капитала, становились двигателями социально-экономического развития. Понимание роли профессиональных компетенций и трудовых навыков для возможностей социальной мобильности шло уже с подросткового возраста. Свидетельство тому – ограничение наплыва на курсы подростков посредством установления возрастного ценза «курсов для взрослых» минимумом в 17 лет [36] (на практике он не всегда соблюдался [37]). При этом власти стимулировали обучение несовершеннолетних обоого пола, не достигших 17 лет, служащих «в торговых заведениях, складах, конторах, а также заведениях трактирного промысла», посредством обязательства хозяев учреждений, в которых они служили, предоставлять им, при более, чем восьмичасовом рабочем дне, три часа ежедневно в будни для посещения школы. В их же интересах практически полностью запрещалась работа в праздничные дни. Непредоставление этой возможности наказывалось штрафом до ста рублей [38]. Облегчение условий труда косвенно способствовало тому, что выпускники курсов оставались работать на своих должностях «в качестве приказчика или счетовода в огромном большинстве торговых фирм», принося «огромную пользу торговле и промышленности» [39], а не массово уходили на предприятия с лучшими условиями труда, например, в банки и на железные дороги.

Благодаря размещению в приспособленных для обучения помещениях профессиональных школ, оборудованных необходимым комплексом материально-технических средств обучения, курсы не требовали серьезных затрат. При этом департаментом земледелия они были определены как самые дорогие среди всех форм внешкольного распространения сельскохозяйственных знаний [40]. Департамент соглашался участвовать лишь в расходах на оплату работы преподавателей и покупку пособий для них и курсистов [41]. Во многом по этим причинам курсы проводились при сельскохозяйственных школах, могущих, помимо прочего, предоставить жилье для курсистов, да еще и снабжавших слушателей частью продуктов [42]. Подчеркнем, что обучение и проживание в стенах сельхозучилищ, располагавшихся, как правило, не в самих губернских столицах, а в их округе, снижало «дурное влияние города» на умы курсистов и больше концентрировало их на процессе обучения.

Работа на курсах оплачивалась довольно высоко и являла собой один из редких официальных удачных случаев для педагогов в получении дополнительного заработка, поскольку иные возможности преподавания по совместительству жестко регламентировались и были практически невозможны для преподавателей государственных школ. Оплата лекторам была установлена в 5 руб. за час теоретических занятий и 2,5 руб. за час практических занятий [43].

Менее формализовано, в сравнении с обычной школой, было построено все обучение. Не существовало официального приема, за исключением личного заявления, не было возрастного, образовательного и полового ценза, наблюдалось постоянное превышение установленных заранее квот на обучение. Возможные негативные последствия снижения качества образования в виду отсутствия официального контроля посещаемости и успеваемости во многом купировались личной потребностью курсистов в получении знаний. Кроме того, обучавшиеся на курсах учителя и лица, направляемые организациями, были заинтересованы в получении свидетельства, которое выдавалось постоянным слушателям по окончании не менее, чем двухнедельного обучения, на основании экзаменов, с указанием сроков обучения и пройденных предметов [44].

Отсутствие четких организационных форм и методов, общих программ со строгой планомерностью, с одной стороны, вызывало путаницу в организации курсов в профшколах, однако, наряду с соответствием запросам рынка, создавало условия для свободной реализации педагогических исканий и экспериментов, невозможных в рамках основной работы с базовым контингентом школ.

Формы обучения на курсах отличались особой гибкостью. Практиковались лекции, беседы, уроки. Во многом благодаря материально-технической базе основной чертой курсов при училищах, выгодно отличавших их от курсов, устраиваемых земствами, была наглядность обучения. Все сообщаемое демонстрировалось на практике, широко применялись опыты, наглядные учебные пособия, экскурсии. При этом сами курсисты ответственно относились к занятиям, с жадностью впитывая новое: «слушатели тщательно вели записи лекций, возобновляя их содержание во внеклассное время. На дом же им выдавались книги и журналы по сельскому хозяйству, и иногда здесь же устраивались беседы на научные темы по агрономии при участии преподавателя» [45].

В силу небольшой нагрузки отдельного преподавателя по «своему» учебному блоку и по причине текучести слушателей каждое занятие на курсах носило законченный характер. Считаясь с запросами курсистов, в ходе обучения или же с учетом итогов предшествующего анкетирования слушателей изменялся предусмотренный изначально программный материал.

Одними из главных особенностей курсов для взрослых при средних профессиональных школах, отличающих их от учебных мастерских при заводах, помимо сроков обучения, были системность и планомерность в преподавании, постоянная связь теории с практикой, примерно равное

распределение учебных часов на теоретические и практические занятия. Так, в 1911 г. в Казанском земледельческом училище на теорию и практику было потрачено по 112 часов, в Саратовском – 115 и 122,5 часа соответственно [46; 47]. То, что теория в отчетах прописывалась по максимуму, могло быть обусловлено более высокой платой за такие занятия в сравнении с практическими. Постоянная неразрывная связь теории с практикой в реалиях дополнительного профессионального образования не дает возможности жестко разделить эти занятия по часам (урокам), что фактически делает неосуществимым точный подсчет реально выполненной учебной нагрузки по формам учебных занятий. Большое количество учебных часов, реализуемых в короткие сроки, приводило к высокой ежедневной нагрузке на слушателей и преподавателей. Так, на курсах при Новгородской губернской земской сельхозшколе ежедневные занятия длились 10 часов – с пяти утра до восьми вечера [48]. Нагрузка реализовывалась достаточно эффективно – посредством включения двух перерывов объемом в один и четыре часа и смены видов деятельности, включая чередование теоретических и практических занятий.

Не неся напрямую провозглашенных воспитательных целей, курсы, тем не менее, реализовывали их. В условиях отсутствия отдельных организационных форм воспитательного процесса и невозможности, часто – в силу отсутствия времени, применения ряда методов воспитания, априорной невозможности наказаний, курсы способствовали налаживанию навыков делового общения, умственному, нравственному, гражданскому воспитанию и самовоспитанию.

Заключение

Резкое отставание системы образования от темпов модернизации экономики стало сокращаться к началу XX столетия. Уже более-менее развитая система образования почти моментально смогла отреагировать на усилившиеся темпы модернизации, в особенности – разделение и глубокую специализацию труда в экономике. В числе прочих форм и методов – появления профессиональных школ, готовивших кадры по более узким специальностям, введения в учебные планы ряда дисциплин, изучение которых было востребовано уровнем развития производительных сил, – массово распространяются курсы и другие формы дополнительного образования и повышения квалификации кадров на базе средних профшкол.

Среди всех форм внешкольного образования взрослых лишь изучаемые нами курсы, открытые при профессиональных училищах, стали, во многом, частью государственно-общественной системы образования вследствие соответствия направлений профессиональной подготовки в них приоритетным отраслям развивающейся экономики. Сплетение интересов государства и бизнеса, местного самоуправления и личной заинтересованности населения, в том числе их софинансирование дополнительного образования, способствовали быстрому росту курсов и числа учащихся в них. Значительное число форм дополнительного образования и внешкольной профессиональной подготовки, в особенности – в сфере обслуживания, осталось на откуп нуждающимся в его получении и благотворителям.

Сформировавшись в начале XX века в гибкую многофункциональную открытую динамическую систему, ориентированную на результат, различные курсы в образовательной своей составляющей резко и выгодно отличались от традиционной школы. Их характерными чертами стали тесная взаимосвязь обучения с профессиональным опытом слушателей, высокая роль самообразования, сложная междисциплинарность учебного материала, варьирование содержания образования в зависимости от познавательных потребностей и профессиональных интересов курсистов. Все это усиливало возможности личности специалиста адекватно ориентироваться в новых реалиях жизни, а также формировало опережающую профессиональную готовность к работе с объектами профессиональной деятельности в условиях технологических изменений и ускорявшихся социально-экономических трансформаций.

Функционирование курсов стало первым опытом интеграции образования, науки и производства как фактора модернизации экономики страны. Курсы, приобщая к профессиональной школе формы дополнительного образования и расширяя их, превращали учреждения профессионального образования в своеобразный инновационные центры регионов. Полученный опыт подобной интеграции, еще не несистемный и потухший к началу войны и революционной смуты, был использован на дальнейших этапах уже советской истории.

Примечания:

1. Чарнолуский В.И. Настольная книга по внешкольному образованию / Изд. сост. по первоисточникам В.И. Чарнолуским. 2-е, соверш. перераб. изд. справ. «Внешкольное образование». Т. 1. СПб., 1913. С. 455.
2. Медынский Е.Н. Внешкольное образование, его значение, организация и техника. 4-е изд., доп. М., 1918. С. 210.
3. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 1770. Оп. 549. Д. 28. Л. 197–198, 221.
4. Медынский Е.Н. ... Методы внешкольной просветительной работы: Опыт методики для г. г. библиотечарей, лекторов, лиц, ведущих занятия со взрослыми, заведующих народными домами и пр.: С прил. ст.: П.П. Гайдебуров. Внешкольное образование и театр. Петроград, 1915. С. V.

5. Сельскохозяйственный промысел в России. Петроград, 1914. С. 4.
6. Cherkasov A.A. All-Russian primary education (1894-1917): developmental milestones // *Social Evolution & History*. 2011. Т. 10. № 2. С. 139.
7. Ф.П. Сельскохозяйственные курсы // *Техническое и коммерческое образование*. 1910. № 1. С. 64.
8. Чарнолуцкий В.И. Указ. соч. С. 487.
9. Вятское среднее сельскохозяйственно-техническое училище имени императора Александра II и низшая при нем ремесленная школа: Крат. ист. очерк за 1 десятилетие. 1901–1911 гг. / Директор уч-ща С. Косарев. Вятка, 1911. С. 91–93.
10. Чарнолуцкий В.И. Указ. соч. С. 488.
11. Отчет о деятельности I-го Отдела по техническо-ремесленному образованию Казанского отделения Императорского Русского технического общества за 1897 г. Казань, 1898. С. 14.
12. Там же. С. 17–20.
13. Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К^о» / Под ред. проф. Ю.С. Гамбарова, проф. В.Я. Железнова, проф. М.М. Ковалевского [и др.]. 7-е изд., совершенно перераб. Т. 24. Кауфман – Кондаков. М., 1912. Прил. к ст. 613, ст. 3.
14. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 218. Оп. 1. Д. 55. Л. 2.
15. Материалы по коммерческому образованию: Вып. Отчет о состоянии коммерческого образования в России за 1903–4 учебный год в учебных заведениях ведомства Министерства финансов. СПб., 1905. С. 87.
16. Там же. С. 85–86.
17. Устав Торговых классов Симбирского общества распространения коммерческих знаний: [Утв. 13 августа 1903 г.]. Симбирск, 1909. С. 1.
18. Сборник узаконений об учебных заведениях, не состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения: Вып. II. Средние учебные заведения. СПб., 1907. С. 32.
19. Материалы по коммерческому образованию: Вып. V. Сведения о состоянии коммерческих учебных заведений ведомства Министерства торговли и промышленности в 1904–5 учебном году. СПб., 1906. С. 153.
20. Отчет Торговых классов Симбирского общества распространения коммерческих знаний за 1915-1916 учебный год (8-й год существования). Симбирск, 1916. С. 9.
21. Материалы по коммерческому образованию: Вып. V. Сведения о состоянии коммерческих учебных заведений ведомства Министерства торговли и промышленности в 1904–5 учебном году. СПб., 1906. С. 156.
22. Материалы по коммерческому образованию: Вып. Отчет о состоянии коммерческого образования в России за 1903–4 учебный год в учебных заведениях ведомства Министерства финансов. СПб., 1905. С. 44–45.
23. Материалы по коммерческому образованию: Вып. V. Сведения о состоянии коммерческих учебных заведений ведомства Министерства торговли и промышленности в 1904–5 учебном году. СПб., 1906. С. 153.
24. Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. Вып. III. Постановления по сельскохозяйственным учебным заведениям за время 1836-1899. СПб., 1900. С. 308–309.
25. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 345. Оп. 1. Д. 1226. Л. 19.
26. Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия. 1908. Год второй. СПб., 1909. С. 235.
27. НАРТ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1227. Л. 59.
28. Там же. Л. 4 об–6.
29. Отчет о курсах по плодоводству, огородничеству и пчеловодству, устроенных летом 1911 г. при Казанском земледельческом училище для народных учителей. СПб., 1911. С. 1.
30. Отчет о Курсах по садоводству, огородничеству, борьбе с вредителями плодовых деревьев и пчеловодству, устроенных летом 1911 года при Мариинском земледельческом училище для народных учителей и садоводов Поволжья. СПб., 1911. С. 2–3.
31. Чарнолуцкий В.И. Указ. соч. С. 481.
32. Отчет о Курсах по садоводству, огородничеству, борьбе с вредителями плодовых деревьев и пчеловодству, устроенных летом 1911 года при Мариинском земледельческом училище для народных учителей и садоводов Поволжья. СПб., 1911. С. 18.
33. Вятское среднее сельскохозяйственно-техническое училище имени императора Александра II и низшая при нем ремесленная школа: Крат. ист. очерк за 1 десятилетие. 1901–1911 гг. / Директор уч-ща С. Косарев. Вятка, 1911. С. 93.
34. Отчет о Курсах по садоводству, огородничеству, борьбе с вредителями плодовых деревьев и пчеловодству, устроенных летом 1911 года при Мариинском земледельческом училище для народных учителей и садоводов Поволжья. СПб., 1911. С. 20–34.
35. Отчет Торговых классов Симбирского общества распространения коммерческих знаний за 1915–1916 учебный год (8-й год существования). Симбирск, 1916. С. 8. Подсчет автора.
36. Чарнолуцкий В.И. Указ. соч. С. 455.
37. Отчет о Курсах по садоводству, огородничеству, борьбе с вредителями плодовых деревьев и

пчеловодству, устроенных летом 1911 года при Мариинском земледельческом училище для народных учителей и садоводов Поволжья. СПб., 1911. С. 20, 34.

38. Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах [Высочайше утв. положение Совета министров 15 ноября 1906 г.] // П.А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы : в 2 т. 2-е изд., стер. Т. 1. М., 2011. С. 478–480, 482.

39. Материалы по коммерческому образованию: Вып. III. Торговые школы: Совещ. г. г. представителей попечит. советов, учредителей, учредительниц и инспекторов в янв. месяце 1905 г. в г. С.-Петербурге. СПб., 1905. С. 163–165.

40. Чарнолуцкий В.И. Указ. соч. С. 482–483.

41. Там же. С. 483.

42. НАРТ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1227. Л. 4.

43. Чарнолуцкий В.И. Указ. соч. С. 483–485.

44. Там же. С. 482.

45. НАРТ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1227. Л. 4 об–6.

46. Отчет о курсах по плодоводству, огородничеству и пчеловодству, устроенных летом 1911 г. при Казанском земледельческом училище для народных учителей. СПб., 1911. С. 3.

47. Отчет о Курсах по садоводству, огородничеству, борьбе с вредителями плодовых деревьев и пчеловодству, устроенных летом 1911 года при Мариинском земледельческом училище для народных учителей и садоводов Поволжья. СПб., 1911. С. 4.

48. Отчет о курсах плодоводства, устроенных Новгородской губернской земской управой для народных учителей сельских школ, Новгородского уезда в сельце Яковлев при губернской земской сельскохозяйственной школе. Новгород, 1913. С. 2.

References:

1. Charnoluskii V.I. Nastol'naya kniga po vneshkol'nomu obrazovaniyu / Izd. sost. po pervoistochnikam V.I. Charnoluskim. 2-e, soversh. pererab. izd. sprav. «Vneshkol'noe obrazovanie». Т. 1. СПб., 1913. S. 455.

2. Medynskii E.N. Vneshkol'noe obrazovanie, ego znachenie, organizatsiya i tekhnika. 4-e izd., dop. М., 1918. S. 210.

3. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti (TsANO). F. 1770. Op. 549. D. 28. L. 197–198, 221.

4. Medynskii E.N. ... Metody vneshkol'noi prosvetitel'noi raboty: Opyt metodiki dlya g. g. bibliotekarei, lektorov, lits, vedushchikh zanyatiya so vzroslymi, zaveduyushchikh narodnymi domami i pr.: S pril. st.: P.P. Gaideburov. Vneshkol'noe obrazovanie i teatr. Petrograd, 1915. S. V.

5. Sel'skokhozyaistvennyi promysel v Rossii. Petrograd, 1914. S. 4.

6. Cherkasov, A.A. (2011) All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones *Social Evolution and History*. (2), 10: 138-149.

7. F.P. Sel'skokhozyaistvennye kursy // Tekhnicheskoe i kommercheskoe obrazovanie. 1910. № 1. S. 64.

8. Charnoluskii V.I. Uказ. соч. S. 487.

9. Vyatskoe srednee sel'skokhozyaistvenno-tekhnicheskoe uchilishche imeni imperatora Aleksandra II i nizshaya pri nem remeslennaya shkola: Krat. ist. ocherk za 1 desyatiletie. 1901–1911 gg. / Direktor uchshcha S. Kosarev. Vyatka, 1911. S. 91–93.

10. Charnoluskii V.I. Uказ. соч. S. 488.

11. Otchet o deyatel'nosti I-go Otdela po tekhnicheskoremeslennomu obrazovaniyu Kazanskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo tekhnicheskogo obshchestva za 1897 g. Kazan', 1898. S. 14.

12. Tam zhe. S. 17–20.

13. Entsiklopedicheskii slovar' t-va «Br. A. i I. Granat i K^o» / Pod red. prof. Yu.S. Gambarova, prof. V.Ya. Zheleznova, prof. M.M. Kovalevskogo [i dr.]. 7-e izd., sovershenno pererab. Т. 24. Kaufman – Kondakov. М., 1912. Pril. k st. 613, st. 3.

14. Gosudarstvennyi arkhiv Kirovskoi oblasti (GAKO). F. 218. Op. 1. D. 55. L. 2.

15. Materialy po kommercheskomu obrazovaniyu: Vyp. Otchet o sostoyanii kommercheskogo obrazovaniya v Rossii za 1903–4 uchebnyi god v uchebnykh zavedeniyakh vedomstva Ministerstva finansov. СПб., 1905. S. 87.

16. Tam zhe. S. 85–86.

17. Ustav Torgovykh klassov Simbirskogo obshchestva rasprostraneniya kommercheskikh znaniy: [Utv. 13 avgusta 1903 g.]. Simbirsk, 1909. S. 1.

18. Sbornik uzakonenii ob uchebnykh zavedeniyakh, ne sostoyashchikh v vedomstve Ministerstva narodnogo prosveshcheniya: Vyp. II. Srednie uchebnye zavedeniya. СПб., 1907. S. 32.

19. Materialy po kommercheskomu obrazovaniyu: Vyp. V. Svedeniya o sostoyanii kommercheskikh uchebnykh zavedenii vedomstva Ministerstva torgovli i promyshlennosti v 1904–5 uchebnom godu. СПб., 1906. S. 153.

20. Otchet Torgovykh klassov Simbirskogo obshchestva rasprostraneniya kommercheskikh znaniy za 1915–1916 uchebnyi god (8-i god sushchestvovaniya). Simbirsk, 1916. S. 9.

21. Materialy po kommercheskomu obrazovaniyu: Vyp. V. Svedeniya o sostoyanii kommercheskikh uchebnykh zavedenii vedomstva Ministerstva torgovli i promyshlennosti v 1904–5 uchebnom godu. СПб.,

1906. S. 156.

22. Materialy po kommercheskomu obrazovaniyu: Vyp. Otchet o sostoyanii kommercheskogo obrazovaniya v Rossii za 1903–4 uchebnyi god v uchebnykh zavedeniyakh vedomstva Ministerstva finansov. SPb., 1905. S. 44–45.

23. Materialy po kommercheskomu obrazovaniyu: Vyp. V. Svedeniya o sostoyanii kommercheskikh uchebnykh zavedenii vedomstva Ministerstva torgovli i promyshlennosti v 1904–5 uchebnom godu. SPb., 1906. S. 153.

24. Sbornik svedenii po sel'skokhozyaistvennomu obrazovaniyu. Vyp. III. Postanovleniya po sel'skokhozyaistvennym uchebnym zavedeniyam za vremya 1836–1899. SPb., 1900. S. 308–309.

25. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan (NART). F. 345. Op. 1. D. 1226. L. 19.

26. Ezhegodnik Glavnogo upravleniya zemleustroistva i zemledeliya po Departamentu zemledeliya. 1908. God vtoroi. SPb., 1909. S. 235.

27. NART. F. 345. Op. 1. D. 1227. L. 59.

28. Tam zhe. L. 4 ob–6.

29. Otchet o kursakh po plodovodstvu, ogorodnichestvu i pchelovodstvu, ustroennykh letom 1911 g. pri Kazanskom zemledel'cheskom uchilishche dlya narodnykh uchitelei. SPb., 1911. S. 1.

30. Otchet o Kursakh po sadovodstvu, ogorodnichestvu, bor'be s vreditelyami plodovykh derev'ev i pchelovodstvu, ustroennykh letom 1911 goda pri Mariinskom zemledel'cheskom uchilishche dlya narodnykh uchitelei i sadovodov Povolzh'ya. SPb., 1911. S. 2–3.

31. Charnoluskii V.I. Ukaz. soch. S. 481.

32. Otchet o Kursakh po sadovodstvu, ogorodnichestvu, bor'be s vreditelyami plodovykh derev'ev i pchelovodstvu, ustroennykh letom 1911 goda pri Mariinskom zemledel'cheskom uchilishche dlya narodnykh uchitelei i sadovodov Povolzh'ya. SPb., 1911. S. 18.

33. Vyatskoe srednee sel'skokhozyaistvenno-tekhnicheskoe uchilishche imeni imperatora Aleksandra II i nizshaya pri nem remeslennaya shkola: Krat. ist. ocherk za 1 desyatiletie. 1901–1911 gg. / Direktor uchshcha S. Kosarev. Vyatka, 1911. S. 93.

34. Otchet o Kursakh po sadovodstvu, ogorodnichestvu, bor'be s vreditelyami plodovykh derev'ev i pchelovodstvu, ustroennykh letom 1911 goda pri Mariinskom zemledel'cheskom uchilishche dlya narodnykh uchitelei i sadovodov Povolzh'ya. SPb., 1911. S. 20–34.

35. Otchet Torgovykh klassov Simbirskogo obshchestva rasprostraneniya kommercheskikh znaniy za 1915–1916 uchebnyi god (8-i god sushchestvovaniya). Simbirsk, 1916. S. 8. Podschet avtora.

36. Charnoluskii V.I. Ukaz. soch. S. 455.

37. Otchet o Kursakh po sadovodstvu, ogorodnichestvu, bor'be s vreditelyami plodovykh derev'ev i pchelovodstvu, ustroennykh letom 1911 goda pri Mariinskom zemledel'cheskom uchilishche dlya narodnykh uchitelei i sadovodov Povolzh'ya. SPb., 1911. S. 20, 34.

38. Ob obespechenii normal'nogo otdykha sluzhashchikh v torgovykh zavedeniyakh, skladakh i kontorakh [Vysochaishe utv. polozhenie Soveta ministrov 15 noyabrya 1906 g.] // P.A. Stolypin: Programma reform. Dokumenty i materialy : v 2 t. 2-e izd., ster. T. 1. M., 2011. S. 478–480, 482.

39. Materialy po kommercheskomu obrazovaniyu: Vyp. III. Torgovye shkoly: Soveshch. g. g. predstavitelei popechit. sovetov, uchreditel'ei, uchreditel'nits i inspektorov v yanv. mesyatse 1905 g. v g. S.-Peterburge. SPb., 1905. S. 163–165.

40. Charnoluskii V.I. Ukaz. soch. S. 482–483.

41. Tam zhe. S. 483.

42. NART. F. 345. Op. 1. D. 1227. L. 4.

43. Charnoluskii V.I. Ukaz. soch. S. 483–485.

44. Tam zhe. S. 482.

45. NART. F. 345. Op. 1. D. 1227. L. 4 ob–6.

46. Otchet o kursakh po plodovodstvu, ogorodnichestvu i pchelovodstvu, ustroennykh letom 1911 g. pri Kazanskom zemledel'cheskom uchilishche dlya narodnykh uchitelei. SPb., 1911. S. 3.

47. Otchet o Kursakh po sadovodstvu, ogorodnichestvu, bor'be s vreditelyami plodovykh derev'ev i pchelovodstvu, ustroennykh letom 1911 goda pri Mariinskom zemledel'cheskom uchilishche dlya narodnykh uchitelei i sadovodov Povolzh'ya. SPb., 1911. S. 4.

48. Otchet o kursakh plodovodstva, ustroennykh Novgorodskoi gubernskoi zemskoi upravoi dlya narodnykh uchitelei sel'skikh shkol, Novgorodskogo uezda v sel'tse Yakovlev pri gubernskoi zemskoi sel'skokhozyaistvennoi shkole. Novgorod, 1913. S. 2.

УДК 374.72"1861-1917"(470)

**Дополнительное профессиональное образование
в позднеимперской России**

Тимур Альбертович Магсумов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация
423815, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, пр. Московский, 134-31
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: nabonid1@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрывается опыт интенсивного создания и функционирования системы дополнительного профессионального образования в позднеимперский период российской истории, порожденного потребностями развернувшейся в стране модернизации. Построив статью на основе массовых источников, в том числе извлеченной из региональных архивов делопроизводственной документации, автор, в русле исследования основных организационных форм дополнительного образования – сельскохозяйственных курсов, торговых классов и курсов технического рисования, производит макросъемку тенденций и направлений, успехов и проблем в его развитии. Став к началу XX столетия специфическим элементом системы образования, дополнительное профессиональное образование, ориентированное на реальный сектор экономики, реализовывало свободное практикоориентированное обучение на основе принципов междисциплинарности, вариативности и высокой роли самообразования.

Ключевые слова: образование, Российская империя, модернизация, сельскохозяйственные курсы, торговые классы, курсы технического рисования, Е.Н. Медынский.